

Время и камни

Наш давний автор Александр Генис* готовит свое собрание сочинений к выходу в свет в издательстве Freedom Letters

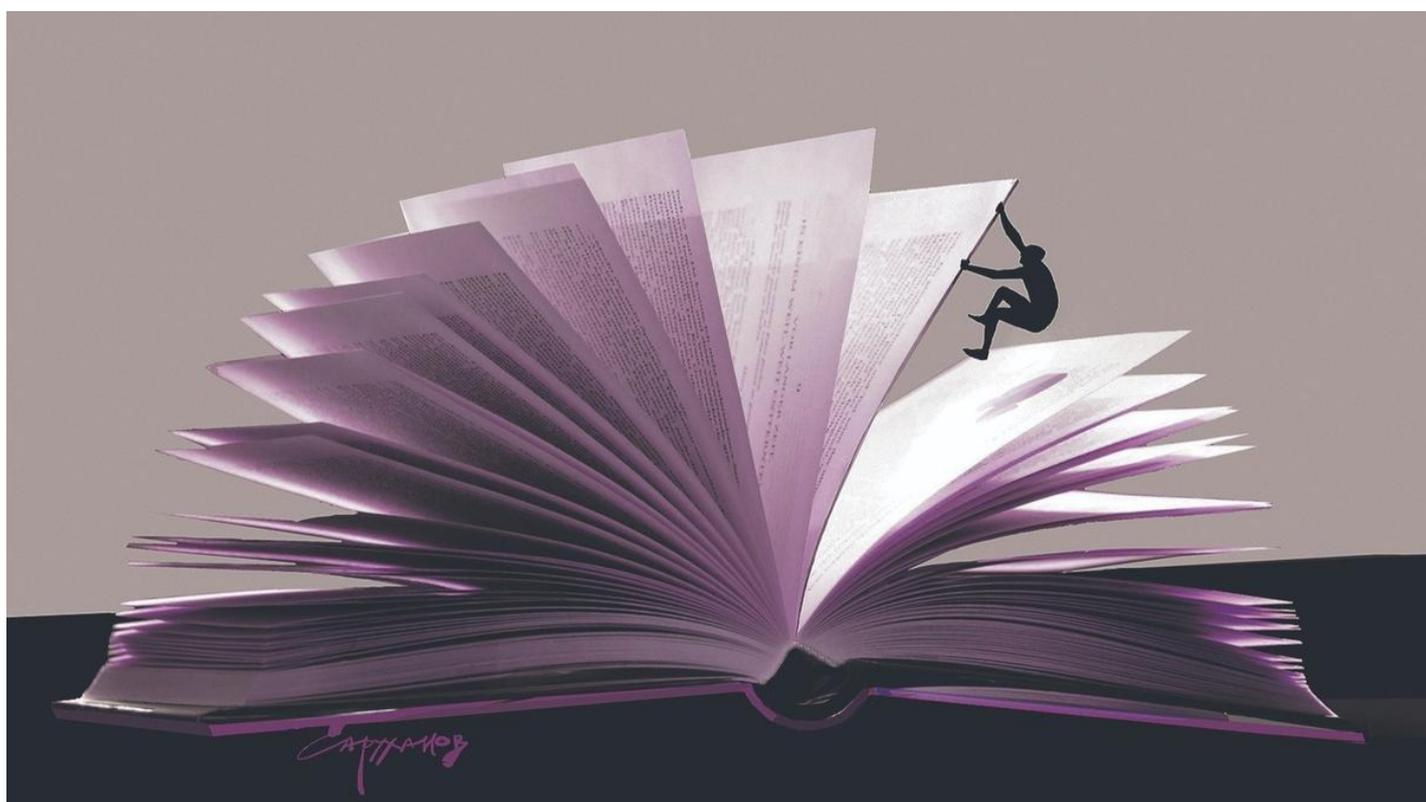

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

16:53, 5 сентября 2025,

Александр Генис*

ведущий рубрики

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ГЕНИСОМ АЛЕКСАНДРОМ
АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ ИЛИ КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ГЕНИСА АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРОВИЧА.

1.

Раньше старость мне казалась неведомым континентом, но я слепо верил, что он ничем не отличается от нашего, разве что размером больше. Собственно, поэтому я и откладывал его освоение. Отодвигаясь с каждым прожитым годом на тот же год, старость, как коммунизм в детстве, маячила на горизонте и представлялась столь же недостижимой, как и он. Лишь когда я догадался, что так не может продолжаться вечно, мне стало ясно: старость уже пришла, и я захотел с ней познакомиться, прислушавшись к тому, что она говорит или шепчет.

— Время, — объявил я сам себе, — собирать камни, но тут же осекся, задумавшись о том, зачем, собственно, их надо было сперва разбрасывать.

Выяснив, что никто этого толком не знает, я приспособил метафору к своим нуждам.

— В моем случае, — рассуждал я, — камни — это тексты, которые я расшвыривал, как катапульта на службе цезаря.

Господи, где я только не печатался! При этом каждый раз я писал как в последний. Довлатов говорил, что у него меняется почерк, когда он сочиняет для газеты. Этому мне не понять. Любая строка, стояла ли она в книге или была подписью для снимка, бросала вызов воображению, стилю, автору. И каждая рисовалась мне камнем в чужом огороде. О такой камень можно споткнуться, а значит, заметить, помедлить или хотя бы разозлиться. Я еще не выжил из ума, утверждая, что мне это всегда удавалось. Но намерения у меня были действительно безумные — и честные: ничего не оставлять на потом.

«Потом» наконец пришло, и оно оказалось старостью, но мне об этом поведали другие. Возможно, потому, что сам я принимал ее за утопию: гармоническое соединение мудрости с покоем и волей.

— Спокойно делаешь что хочешь и считаешь это умным, — переводил я себя, пока не вспомнил, что и раньше не делал ничего другого, во всяком случае, с тех пор как меня выгнали из грузчиков.

Старость не принесла ничего полезного. Она не избавила от сомнений, не назначила арбитром, не приблизила к итогу. Да и догадываюсь я о ней, лишь глядя на молодых так, будто не был на их месте. Боюсь, что с ними меня связывает знакомое недоразумение. Если раньше старость представлялась мне экстраполяцией юности, то теперь наоборот. Только дойдя до ступора, выясняешь, что каждое поколение составляет отдельный народ, говорящий на чужом языке, напоминающем твой, но не являющемся им, вроде украинского.

Сегодня меня больше всего занимает физика нетвердого тела. Меняясь, оно позволяет каждое утро ощутить течение времени. В

юности это незаметно, а в старости время оседает и скапливается, с рассвета до заката, в бессонницу — до четырех утра.

И все потому, что раньше жизнь протекала снаружи: мелькали президенты, режимы, кумиры, враги. Теперь к внешней смене декораций прибавилась внутренняя эволюция. Следить за ней так же интересно, как читать газеты.

Старость стала для меня, как, впрочем, всё на свете, способом познания. Она прокладывает путь в свой особый мир с помощью вычитания. С каждым днем мы забываем больше, чем узнаем. Но то, что остается, важнее того, что испарилось. Прошлое кристаллизуется и складывается в сундуки воспоминаний, которые я счастлив предъявить.

Вот так я и решился на собрание сочинений.

2.

Собрав изрядную грудку книг, я остался наедине с собою, растиражированным и облаченным в нарядные переплеты. На бумаге я выглядел лучше, чем в жизни. Оно и неудивительно: книгам мы отдаем лучшие часы, остальному — остальные.

Это еще не значит, что к собранному у меня нет претензий. Прежде всего, я далеко не всегда и не во всем похож на самого себя. Перечитывая старые страницы, я встречаюсь с разными версиями автора. Каждая противоречит предыдущей, и череда открытий компрометирует то, что еще вчера казалось непреложной истиной. Новое, впрочем, не отменяет старое, а придает ему некую антикварную патину, позволяя взглянуть на прошлое, отодвинувшись от него.

В таком ракурсе виднее главное, включая ошибки. К ним

относится все, что вызывает раздражение у автора, умудренного годами стараний. Однако, взяв на себя немалый труд редактуры, я не стриг текст, а причесывал его, снабжая прологами, эпилогами, послесловиями и прочими филологическими завитушками. В результате получается пять пухлых томов, созданных таким образом, что разные книги сохраняют в ансамбле собственный незаменимый голос. В моем случае такими голосами служат жанры, следящие и следующие за интеллектуальной эволюцией автора.

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

3.

Приступая к такому широкомасштабному проекту, нельзя не сказать о еще одном обстоятельстве, вызвавшем его к жизни.

Прожив полвека между Новым и Старым Светом, я написал все

эти книги в первом и напечатал их во втором. Сейчас ситуация изменилась радикальным образом. С тех пор как меня объявили «иноагентом», книжные магазины метрополии не торгуют моими сочинениями. В библиотеках их выдают по предъявлению паспорта, чтобы знать, кто читает вредное.

Я не жалуясь, потому что другим и многим приходится несравненно тяжелее. Обидно, однако, что сегодня я чувствую себя второгодником. Мне, прожившему некороткую жизнь, пришлось вернуться в то время, когда она начиналась. Цензура, доносы, террор, садизм. И в ответ: молчание, двоемыслие, эзопов язык, эмиграция — внутренняя и обыкновенная.

Уткнувшись в пустоту на месте будущего, стрела времени загнулась причудливым образом. И с каждым днем мы всё глубже погружаемся в трясину слишком знакомого прошлого.

Я, например, по пути на дно догнал своего деда, который тоже оказался «агентом империализма», за что и был расстрелян в 1938 году. Со мной судьба обошлась мягче. Меня всего лишь разлучили с бóльшей частью читателей. Но я ей, судьбе, безмерно благодарен за то, что тридцать лет они у меня были.

Сегодня литература вновь перемещается туда, где я ее застал, когда полвека назад перебрался на Запад. Плохо, что в этом нет ничего нового. Хорошо, что ей есть где пересидеть зиму. И даже не в ожидании новой оттепели, а просто так — ради собственного существования на свободе. Я знаю, что такое бывает, потому что такое уже было. Исходя из этого опыта, я и

взялся подводить итоги, мечтая убедиться, что все было не зря.

Ну а чтобы дать представление о составе многотомника и намекнуть на принципы отбора материала, я предлагаю вниманию читателей признание в застарелой любви.

Вот одна глава из первого тома.

Записки из гарема

Любовь начинается с кожи. Труднее всего забыть прикосновение, делающее пальцы зрячими. Вприглядку можно и ошибиться, приняв глянцевый румянец за интимную теплоту. Другое дело — взять в руки, чтобы изучить шероховатость и выпуклости, или положить на грудь, чтобы ощутить многообещающую тяжесть.

Еще я люблю их нюхать: аромат ливанского кедра, которым пахнут свежечиненные карандаши, душистый сандал, арабийские благовония, различимые в забытом (так даже лучше) слове «гуммиарабик». Эти запахи соблазняют и животных. Я не знал об этом в ранней молодости, но узнал в поздней.

Александр Генис*. Фото: Ирина Генис

Собираться в Америку мы, как и все наши, начали с них. Но в однотонный контейнер не влезли бесчисленные журналы, начиненные гражданскими опусами. Не желая оставлять их на произвол застоя, мы вырывали самое дерзкое: Лакшин, Тендряков, «Уберите Ленина с денег». Ободранные, как норки, листы нуждались в защите, и нам пришлось освоить ремесло переплетчиков. На обложки шел украденный в одной доверчивой конторе дерматин таежного цвета. Клеем служил сваренный бабушкой мучной клейстер. Его-то и обнаружили голодные нью-йоркские тараканы, когда багаж наконец прибыл по месту назначения. Годами мы боролись с их алчностью, пока не переехали в чистый пригород.

Теперь знакомый запах будит лишь мой аппетит, когда я Синей Бородой спускаюсь в подвал, чтобы выбрать на ночь очередную жертву.

Я знаю, что у моногамии есть сторонники. В Северной Каролине мне приходилось видеть целые магазины, торговавшие одной Книгой. Другую — «Швейка» — лет десять читал мой брат, пока не изменил ей с «Мертвыми душами» (пятна борща на каждой странице).

Сам я, однако, люблю гаремами, что не мешает мне быть одновременно всеядным и взыскательным.

Я ценю старых подруг, которым не нужны ласки, свечи и шампанское. Такой, проверенной, можно заняться всюду — лежа, стоя, за обедом или в ванной. С годами она только зреет, достигая вместе с тобой вечного бальзаковского возраста.

Но много, конечно, и тех, кто, сдавшись ходу времени, сереет и теряется в безжалостном втором ряду, до которого никогда не доходят руки. Прыщавую первую любовь вроде «Незнайки» лучше вспоминать, чем к ней возвращаться.

Тем более когда такая конкуренция со стороны девственниц. Как бы тщательно их ни отбирал, все равно они дюжинами толпятся в тамбуре. Даже заплатив калым, я далеко не каждую пускаю на полку. Придирчиво осмотрев спереди и сзади (чтобы познакомиться с тиражом и корректором), я пробую ее наугад. Впопыхах нельзя влюбиться, но можно узнать, стоит ли стараться.

Опыт помогает отличить ту, которая ломается, от той, что и сама бы рада, да не знает, как помочь. Переживая вместе с тобой, она заманивает на необитаемый остров, надеясь, что наедине и от безысходности ты научишься любить ее такой, какая есть.

Так у меня вышло с «Поминками по Финнегану». Поверив на слово, я отдал им три месяца. В начале четвертого, дойдя до одиннадцатой страницы, я решил разделить удовольствие с товарищами по несчастью. Они провели с книгой много лет, но проникли в нее не глубже моего. В определенном смысле я, зная русский язык, оказался в выигрышном положении. Это выяснилось, когда мне удалось расшифровать непонятное всему миру слово MANDABOUT. Зардевшись, я перевел: «Про это». Жаль только, что Маяковского тут никто не читал.

Устав от триумфа, я отложил Джойса на потом. Судя по тому, сколько книг там скопилось, «потом» — верная гарантия бессмертия.

Александр Генис*. Фото: Ирина Генис

В Риге у меня был знакомый старичок, замуровавший книгами свою квартиру. Войти в нее можно было не дальше прихожей,

которую он делил с малогабаритными любимцами: утрем в узком аквариуме и собачкой без хвоста. Несмотря на преклонный возраст, а вернее — ввиду его, он каждый день покупал по книге, рассчитывая с их помощью отдалить неизбежное. Мне чуждо суеверие. Я знаю, что умру, но верю, что не раньше, чем полюблю каждую — как папаша Карамазов.

Худшие из развратников, впрочем, — библиофилы, чья порочность граничит с аскезой. Только они способны оставить книгу непрочитанной ради девственности ее переплета. Сам я люблю неряшливо, оставляя следы.

Несклонный к садизму, я никогда не загибаю страницы, обходясь лишь тем, что пишу на них всё, что вздумается. Пометки на полях помогают найти именно то место, что доставило наслаждение. Если собрать под один переплет все отчеркнутые абзацы, выйдет альбом трофеев, которым тешат старость записные ловеласы.

Понятно, что с неприкосновенным запасом надежд и воспоминаний нельзя расстаться, как нельзя развестись с сералем.

— Обратного пути нет, — говорю я жене, ревнующей к библиотеке и подбивающей избавиться от балласта.

Сама она ищет в книгах пользы, читая из экономии одну и ту же — «Как реставрировать старую мебель». Узнав об этом, мой наивный приятель задал жене странный вопрос:

— Вам нравится реставрировать старую мебель?

— Нет, — удивленно ответила она, — мне нравится читать о том, как реставрировать старую мебель.

Это я как раз понимаю. У меня у самого хранится «Товарищ юного снайпера» и «100 диких, но съедобных растений».

Всякий свод бесполезных знаний — как звездное небо, прекрасное и недостижимое. Поэтому после обещающих новые радости каталогов я чаще всего люблю энциклопедии.

Большую советскую, правда, пришлось отдать в нехорошие руки, после того как я не нашел там статьи «Вьетнамская война». Она оказалась в томе на «А»: «Агрессия американской военщины против трудолюбивого вьетнамского народа». Зато мне достался в наследство от одной вовремя развалившейся организации Брокгауз. Хотите знать, как делается вобла? Кто же не хочет.

Неудивительно, что я и держал все девяносто томов под рукой, пока в кабинете не просели балки. Воспользовавшись тревогой, жена бросилась в решительную атаку. Я сопротивлялся как мог:

— Что значит «читал»? Что значит «знаешь, чем кончится»? А родной изгиб сюжета? А то место, где Джордж уронил в Темзу свою рубашку, думая, что она чужая?

Но перед угрозой строительного коллапса жертвы были неизбежны. Прощаясь, я три дня составлял «список Шиндлера». Остудив сердце и спрятав от греха подальше сталинские раритеты — «Семеро против Америки» и «В Нью-Йорке левкой не пахнут», я углубился в самые пыльные полки. Обреченных набралось с три сотни, в основном — стихи.

Дело не в том, что я их не люблю, суть в том, что их мало надо. Хорошего стихотворения, а плохое — не стихотворение вовсе, хватает надолго, в идеале — навсегда. Поэтому я беру их в горы: спрессованное, как гороховый концентрат, чтение.

Александр Генис*. Фото: Ирина Генис

Толстые книги лучше всего читать на работе. Ничто так не извиняет длинноты, как казенное время. Когда я служил в юности пожарным, «Ярмарки тщеславия» мне хватало на одну 24-часовую смену. Вскоре, однако, выяснилось, что от любовного марафона притупляются чувства. Тучные классики укачивают, вызывая морскую болезнь.

Усвоив урок, я научился перемежать книги, замедляя и разнообразя процесс. Боясь быть проглоченной, умная книга сама сопротивляется кавалерийскому наскоку, но и глупую этому можно научить. Я не люблю читать подряд. Мне мало

действия, и я не жду развязки. Даже в детективе меня не интересует, кто убийца. Но я не пропущу случайную девицу с вишневыми (!) глазками.

Добравшись до книги, заслуживающей доверия, я не только обкладываюсь словарями и комментариями, чтобы узнать, что читал, ел и носил автор — и его герой. Попав в компанию, книга, теряя свою надменную линейность, раскрывается веером. Уступая хозяину положения (мне), она отдает и то, что надеялась скрыть: чужое влияние, торопливую несуразицу, старческую забывчивость, а главное — самого писателя. Только посмотрев на него фасеточными, как у мухи, глазами, можно отличить то, что он хотел сделать, от того, что получилось. Первое иногда хуже, иногда лучше второго, но одно никогда не равно другому. Заполняя пробел, ты возвращаешься к началу — к еще чистому листу.

Счастливым писателям снится ненаписанное. Но мне, особенно в детстве, снилось еще не прочитанное.

Я до сих пор умею читать во сне — перелистывать страницы, водить глазами по строчкам, заглядывать в примечания. Знающее грамоту подсознание Фрейд бы назвал инверсией природы. Но мне этот вывих души помогает сочинять вместе с автором. Догадавшись, куда нас с ним приведет следующая страница, ты наконец растворяешься в книге, сливаясь с ней в одно существо.

Разговоры о прочитанном позволяют заново пережить мгновения счастья, которое — и это редкое чудо! — поддается пересказу. Новичком я презирал Белинского за то, что он, простодушно переписывая любимившееся, еще кручинился:

«всего пересказать нельзя».

О книгах надо писать, как о людях. И в тех, и в других много лишнего, еще больше похожего, но помним мы тех, кто подставил подножку, вывел из себя и привел к иному.

Даже лишенная событий жизнь испещрена встречами, воспоминания о которых заново рождают трепет и вождение.

Пожалуй, только это и называется критикой. Остальным занимаются евнухи. Не в силах любить, они знают о книгах всё, кроме главного.

Еще глупее те, кто читает, чтоб стать умнее. Эрудиция? Есть чем хвастаться. Знания, подаренные любовью, не требуют усилий: найдите в мире мальчишку, который бы не знал, что такое угловой.

Из доставшихся мне свобод я больше всего ценю ту, что позволяет читать что хочется и писать об этом, не полагаясь ни на что иное, кроме интуитивной близости избирательного сродства. Что говорить, с тех пор как меня перестала мучить статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», из нужды я прочел лишь одну брошюру — «Правила вождения автомобиля в штате Нью-Джерси».

Нью-Йорк

Этот материал вышел в одиннадцатом номере «Новая

газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов»